

производственного процесса, ибо акт магического рисования нужно рассматривать как одно из наиболее эффективных — с точки зрения человека той эпохи — средств воздействия на окружающий его реальный мир и подчинения ему внешних сил природы.

Привлекая к сравнению многочисленные данные общей этнографии, истории культуры и первобытного искусства, автор разбирает существующие теории происхождения этого искусства (К. фон ден Штейнен, Э. Гроссе, Л. Я. Штернберг и др.). Вопреки мнению буржуазных ученых об определяющем значении биологического фактора в развитии искусства, В. В. Бардавелидзе на конкретных данных показывает, что народное художественное творчество является одной из сторон проявления человеческой деятельности через конкретно-чувственную форму познания действительности в образах. Большая ценность результатов исследований и выводов В. В. Бардавелидзе заключается и в том, что благодаря этим выводам намечается новый путь решения проблемы генезиса рисунков, известных в современной специальной литературе по первобытному искусству под названием «условных геометрических изображений с символическим значением».

Книга снабжена совершенным научным аппаратом. К труду приложены списки обширной использованной автором литературы и рукописей, указатели личных, географических, этнических, мифических и культовых имен, предметный указатель, указатель терминов в аналитической транскрипции, аннотированные списки иллюстраций в тексте и на отдельных таблицах. Следует отметить, что благодаря применению транскрипционных знаков автором с исключительной точностью передана весьма богатая и разнообразная специальная терминология. Хорошо отпечатан и расположен в книге богатый иллюстративный материал.

Оценивая книгу В. В. Бардавелидзе в целом, следует, отметить, что это — обширное исследование, дающее исторически верное, глубокое и систематическое изложение древнейших религиозных верований и графического обрядового искусства грузинских племен. Оно представляет большой интерес и для научного освещения узловых проблем этнографии и истории Кавказа, а также для разработки общетеоретических вопросов этнографии и первобытной истории.

Сказанное позволяет заключить, что труд В. В. Бардавелидзе является ценным вкладом в нашу советскую этнографическую и историческую науку.

М. К. Гегешидзе

Н. А. Кисляков. *Семья и брак у таджиков (По материалам конца XIX — начала XX века)*. Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия, т. XLIV, М.—Л., 1959, 268 стр.

Рецензируемая работа представляет собою исследование истории развития семьи и брака у таджиков, основанное на этнографических материалах, которые автор собирал в течение 20 с лишним лет. Эти материалы в большинстве получены в результате личных наблюдений автора и информации сведущих лиц. Книга состоит из введения, пяти глав (Семья и семейная обрядность; Формы заключения брака, свадьба и свадебная обрядность; Калым и приданое; Анализ свадебной обрядности; Некоторые исторические параллели) и заключения. В приложении даны указатели — местных терминов и географических названий.

Большой интерес представляет «Введение», знакомящее читателя с общественными отношениями у таджиков накануне Великой Октябрьской социалистической революции, в значительной степени определявшими собой семейно-брачные отношения. Автор правильно делает, рассматривая отдельно хозяйственную и общественную жизнь таджиков горных районов и таджиков равнинных районов и городов. Необходимость такого разграничения вызвана тем, что большая часть территории, населенной горными таджиками, в рассматриваемое время принадлежала Бухарскому ханству, где господствовал феодальный способ производства; меньшая же часть населенной таджиками территории, главным образом ее северные районы, входила в состав Туркестанского генерал-губернаторства царской России. Во «Введении», которое можно рассматривать как самостоятельный исторический очерк, приводятся ценные материалы о землевладении и землепользовании у таджиков Восточной Бухары. Неоспорим вывод автора о том, что «дореволюционный таджикский кишлак по существу являлся сельской общиной, основанной на сохранившихся общинных формах землепользования и водопользования, коллективных началах труда и ряде других общественных явлений, каковыми было наличие общественных ремесленников, общинных зданий и т. п.» (стр. 19). Для всех исследователей, занимающихся вопросами истории Востока, и в частности Средней Азии, большой интерес представляет материал, доказывающий, что, несмотря на общность национальных особенностей культуры и быта таджиков равнины и таджиков горных районов, социально-экономические отношения в конце XIX — начале XX в. у них были различны. У горных таджиков преобладало натуральное хозяйство, а у таджиков равнины — товарно-денежное хозяйство со значительным проникновением в экономику элементов капитализма (стр. 28).

Однако в этом разделе работы недостаточно полно дана характеристика родственных групп — «каумов» (видимо, представлявших собою патронимические объединения), по которым разделялось население кишлачной общины. Принадлежность того или иного человека к определенному кауму четко осознавалась среди горных таджиков (а у припамирских народностей четко осознается и по сейчас). Члены этих групп имеют определенные права и обязанности. Поэтому и расселение каумов имело важное значение в делах сельской общины, которая у горных таджиков состояла большей частью из совокупности нескольких каумов (а иногда и из одного). Н. А. Кисляков, говоря о существовавшей в общине круговой поруке в физических целях, не упоминает о роли каума. Между тем можно думать, что здесь, как и у припамирских народностей, такая круговая порука касалась в первую очередь членов определенного каума. Староста, по утверждению Н. А. Кислякова (стр. 18), решал важнейшие кишлачные вопросы совместно с пользовавшимися авторитетом пожилыми людьми и стариками. Однако автор не говорит, кем по своему положению были эти пожилые люди и старики. Как правило, это главы каумов. Надо учесть, что каумы занимали различное положение в общественной жизни кишлачной общины. В Припамирье большую часть налогового бремени несли члены «факирских каумов», т. е. каумов трудящихся-земледельцев, тогда как члены «мирских каумов» («благородное сословие»), пользовались некоторыми льготами в налоговом отношении. Общественное положение каума в кишлачной (сельской) общине имело немалое значение для семейных отношений у горных таджиков, особенно при заключении браков, о чем можно заключить по существующим пережиткам. Это обстоятельство необходимо учитывать при изучении современной таджикской семьи и путей ее развития в период перехода к коммунистическому обществу.

В главе «Семья и семейная обрядность» собран очень интересный материал о большой патриархальной семье у таджиков. Автор правильно отмечает, что в горных районах Таджикистана эта форма семьи во 2-й половине XIX в. и в начале XX в. преобладала. Сомнение вызывает утверждение автора о том, что эту же форму семьи можно было, вероятно, встретить и «в северных равнинных районах таджикской оседлости, хотя здесь, по-видимому, процесс ее разложения происходил значительно быстрее и интенсивнее» (стр. 29). Нельзя забывать качественное различие между большой патриархальной семьей горных таджиков, существовавшей в рамках натурального хозяйства, и большой патриархальной семьей у таджиков городов и равнинных северных районов, в хозяйство которых уже проникли товарные отношения и где «многие из сохранившихся до недавнего прошлого больших семей являлись семьями бывших чиновников или баев-торговцев» (стр. 34). Н. А. Кисляков преувеличивает значение авторитета глав семей: «авторитет глав таких семей — чиновников или торговцев — препятствовал разделу их и содействовал сохранению общего хозяйства большой семьи» (стр. 34). Автор забывает, что налог брали с хозяйства, и разделяться такой зажиточной семье было невыгодно.

Можно упрекнуть автора в том, что в его книге семье и семейной обрядности уделено непропорционально мало места: в основном уделяется внимание свадьбе и свадебной обрядности, ее анализу, формам заключения брака. Тем не менее материалы и выводы автора, связанные с вопросами положения женщины в семье, описание поверий и обрядов, сопровождавших рождение и воспитание детей, анализ свадебных обрядов, — основанные в большинстве на личных наблюдениях, — представляют значительный вклад в этнографическое изучение таджиков. При анализе свадебных обрядов автор подчеркивает связь некоторых из них с культом предков. Однако и в обрядах, сопровождавших появление ребенка на свет и первые дни жизни новорожденного, также прослеживается эта связь, которую автор не раскрывает. Так, «при положении в колыбель ребенку мазали виски и лоб сажей от котла», приобщая его к очагу родного дома, к роду отца (стр. 57). У таджиков верхнего Зеравшана мать молодой матери, когда ее посещала дочь с новорожденным, «носила новорожденного в семь домов, где смазывали ребенку рот пылью с порога дома и золой из очага» (стр. 58). Учитывая утверждение автора о связи порога дома с культом предков (стр. 71), можно предположить, что в некоторых районах у таджиков новорожденного приобщали и к роду его матери. Хотя автор не говорит, являлись ли родственниками матери новорожденного семьи, живущие в домах, куда носила его бабушка, можно думать, что это было так, иначе смысл обряда неясен.

Блестяще написанная глава «Формы заключения брака, свадьба и свадебная обрядность» представляет собою самостоятельное исследование. Таковой же является и глава «Калым и приданое у таджиков», которая была напечатана раньше отдельной статьей в сборнике «Родовое общество»¹. Автор, используя интересные данные, основанные на личных наблюдениях и литературных источниках, приводя большой сравнительный материал по другим народам, дает правильный анализ институтов калыма и приданого.

Нельзя не согласиться с выводами Н. А. Кислякова о том, что калым и приданое являются независимыми друг от друга и различными институтами, что калым, связанный с большой патриархальной семьей, является институтом купли-продажи женщины и отмирает с разложением этой патриархальной семьи и проникновением в хозяйство

¹ Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. сер., т. XIV, М., 1951.

таджиков товарных отношений, а приданое возникает именно в период разложения патриархальной семьи, при выделении малых индивидуальных семей. Эволюция института калыма у таджиков отражает степень сохранения пережитков патриархального уклада у населения горных и равнинных районов. Таким образом, наличие калыма и его роль в семейных отношениях у того или иного народа до некоторой степени способствуют выявлению большей или меньшей сохранности патриархально-родовых отношений. Однако в рецензируемой работе недостаточно проведен анализ причин, содействовавших бытованию калыма (в денежном его выражении) в последующее за отмиранием большой патриархальной семьи время.

В главе «Анализ свадебной обрядности» нам представляется удачным объяснение Н. А. Кисляковым различных пережитков «умыкания» невесты не остатками этой формы заключения брака, а изменением места поселения супругов. У таджиков, особенно у горных, были распространены ортокузенные браки (заключавшиеся между детьми двух братьев), однако автор не говорит о свадебных обрядах при таком браке, когда будущие супруги жили в одной большой патриархальной семье. Каков был размер калыма и платили ли его вообще в таких случаях?

Приходится пожалеть, что автор уделил мало внимания советской таджикской семье и тем изменениям, которые происходили в ней в процессе ее становления. Задачей автора, как свидетельствует заглавие книги, было показать семью и брак у таджиков на определенном историческом отрезке времени: конец XIX — начало XX в., однако, если автор в заключении останавливается на современной таджикской семье, он должен был бы уделить ей больше внимания и использовать больше конкретного материала, которым он, вне всякого сомнения, владеет.

В свете задач, поставленных XXI съездом партии перед учеными, работающими в области общественных наук, особое значение имеет глубокое изучение «закономерности перехода к коммунизму»². Семья — один из важнейших социальных коллективов. Изучение современной семьи должно базироваться на глубоких исследованиях процессов развития быта изучаемого народа на протяжении достаточно длительных исторических отрезков времени. Все это объясняет тот интерес, который вызывает рецензируемая работа у этнографов, занимающихся вопросами изучения семьи и семейного быта, а также у юристов, историков. Следует пожелать появления подобных же серьезных и глубоких исследований, посвященных истории развития семьи и брака у других народов СССР.

Л. Моногарова

НАРОДЫ ОКЕАНИИ

Andrew Sharp. *Ancient voyagers in the Pacific*. Penguin books. London, 1957, 240 стр.

Проблема заселения островов Полинезии широко обсуждается в последние годы. Теория, согласно которой предки полинезийцев прибыли из Юго-Восточной Азии и заселили новые острова и архипелаги в результате смелых плаваний, подвергается нападкам с разных сторон. Еще не успели утихнуть страсти, вызванные неудачной попыткой Т. Хейердала возродить гипотезу американского происхождения полинезийцев, как начались споры вокруг книги Э. Шарпа «Древние мореплаватели в Тихом океане».

Новозеландский ученый Эндриу Шарп решительно отвергает гипотезу американского происхождения полинезийцев (стр. 85—90). Он считает, что предки полинезийцев прибыли из Юго-Восточной Азии. Шарп выступает, далее, против неубедительной гипотезы северного пути продвижения полинезийцев из Юго-Восточной Азии (через Микронезию), и это нельзя не поставить ему в заслугу. Он утверждает, что главным был южный путь (через Меланезию) и что первыми были заселены острова Самоа и Тонга (стр. 95). Действительно, теория южного пути является наиболее обоснованной¹. Таким образом, в вопросе о прародине полинезийцев и главном пути их проникновения в Полинезию Шарп стоит на прочных позициях.

Но Шарп поднимает новый вопрос: каким образом, в результате преднамеренных или, наоборот, случайных плаваний заселена Полинезия? Он ставит себе целью доказать (и этому посвящена его книга), что острова заселены случайно, помимо воли самих переселенцев: ветры уносили отдельные лодки, сбившиеся с курса, далеко в океан; мореплаватели, оставшиеся в живых, попадали на необитаемые острова, и от них-то и происходит современное полинезийское население.

Теорию случайного заселения Полинезии Шарп называет «теорией Кука». Первая глава его книги так и называется «Забятая теория капитана Кука». Одно это уже

² «Внеочередной съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет», М., 1959, стр. 442—443.

¹ См. С. А. Токарев. Предисловие к кн.: Те Ранги Хироа (П. Бак), Мореплаватели солнечного восхода, М., 1950, стр. 13—15.